

АЛЕНА ЦВЕТКОВА

16+

ПОПАДАНКА-3.

МЫ, КОРОЛЕВЫ, БАБЫ ПРОСТЫЕ

Попаданка (Гвенар)

Алёна Цветкова

**Попаданка-3. Мы,
королевы, бабы простые**

«Автор»

2020

Цветкова А.

Попаданка-3. Мы, королевы, бабы простые / А. Цветкова —
«Автор», 2020 — (Попаданка (Гвенар))

Алла стала королевой Гвенара, рядом с ней любимый муж и долгожданный сыночек. Оракул покорен, мир спасен, арровы ведьмы перестали быть угрозой. Осталось только открыть портал в Мидгард, и я отправлюсь домой к родителям. Я - Надия Эррдорская, вдовствующая королева... Но все не так просто, как кажется, и мне придется самой выбирать свою судьбу.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алёна Цветкова

Попаданка-3. Мы, королевы, бабы простые

Пролог

Очередное общее собрание в колхозе «Светлый Путь» проходило в довольно нервной обстановке. Весна в этом году выдалась затяжная, снег все не таял, корма подходили к концу, а до зеленой травки, способной спасти стремительно худеющее стадо было еще неизвестно сколько. Коровы очень сильно сбавили продуктивность, и это рикошетом ударило по всем остальным направлениям.

Салина – глава торгового подразделения, которое занималось не только реализацией готовой продукции, но и закупка кормов и всего остального, сбилась с ног пытаясь найти сено и кашку для колхозного стада. Но прошлогодние запасы во всей стране были не бесконечны, а количество животных таким огромным, что одного воза сена, добытого всеми правдами-неправдами хватало на пару дней скудной, чтоб только не сдохли, кормежки.

Во всех остальных хозяйствах мира, даже той части, которая находилась под властью Хадоа, ситуация была не лучше. Над Гвенаром нависла реальная угроза голода и потери большей части животных. Для колхоза такая потеря грозила обернуться банкротством.

Когда председатель колхоза Малла Вильдо стала королевой, колхоз сначала за глаза, а потом и в глаза, стали называть королевским. Но никакая протекция сильных мира сего не могла помочь решить проблему выживания коровьего стада.

Пока, беспрецедентными усилиями всей команды, а особенно заведующей фермой Рыски падеж удавалось предотвратить, но как долго она сможет поддерживать животных Даром – неизвестно...

По всей стране накапливалось недовольство. Кто-то видел в этом кару Оракула за вмешательство в его работу, кто-то происки Темных сил за избавление арровых ведьм от проклятия служения Той стороне... но ректор Королевской Академии наук господин Деон совершенно точно знал в чем дело. Он только что закончил расчеты и, тяжело дыша, бежал по дворцовым коридорам, боясь не успеть. Открытие портала в Мидгард было запланировано на полдень, до которого оставалось не более нескольких долек...

– В-ваше в-величество, – хватая ртом воздух и держась за сердце, он без стука ворвался в королевский кабинет, и замер, согнувшись в три погибели на пороге, – в-ваше в-величество...

– Деон?! – Малла подскочила к ректору и положила ладонь ему на спину. И он с облегчением почувствовал, как Сила окутала измученное сердце, помогая ему выдержать нагрузку... А потом прохладным мятным потоком пронеслась по всему телу, даря облегчение. – Деон, что случилось?

– Ваше величество, – почтительно поклонился пожилой ректор, – портал в Мидгард открывать нельзя.

Глава 1

– Малла, – я страшно волновалась, – ты уверена, что все получится?

– Конечно, Надия, не трясись ты так, – улыбнулась Малла, – отправимся прямо в наш двор, откуда Фредол нас и забрал...

– Мне оттуда еще целый час домой добираться, – взвыла я, – а можешь поближе, а?

– Нет, – покачала головой моя подруга, – не могу. Я пока боюсь менять настройки. Тем более ты сама говорила, что мы не знаем, в какую сторону нам их нужно менять. Мы же не знаем, как миры соотносятся между собой. Представь, что ошибемся и придется нам с тобой еще на поезде до дома добираться...

Мы в тысячный раз говорили об этом, и я удивлялась терпению Маллы. Я бы на ее месте давно вспылила и прогнала психующую меня куда подальше. Вот и сейчас, я заявила прямо к ней в кабинет, отвлекая от работы. Тот самый, в котором мы обе впервые открыли глаза в этом мире.

– Малла, а как ты думаешь, они мне обрадуются? – все эти месяцы я старательно гнала от себя эти мысли, но сейчас, когда до открытия портала в Мидгард оставалась одна ночь, волнение просто зашкаливало.

– Конечно! – Малла округлила глаза, – они же твои родители. Ты, главное, правду не говори где была. Все равно не поверят а еще и в психушку упекут. Скажут, что с ума сошла. Скажи, как и договаривались, что встретила мужчину, влюбилась и уехала с ним. Тем более, это почти правда, – она рассмеялась, – даже Оракул подтвердил бы.

– Ага, – невесело ответила я, – Малла, я еще никогда и ни с кем не делилась, у меня сестра есть. Старшая. И мои родители... для них существует только Софья. Они всегда говорят только о ней. И не зря. Успешный успех – это про нее... а я... я никогда до нее не дотягивала...

– Ну и что, – пожала плечами Малла, – я думаю, твои мама и папа все равно любят тебя. Я вон тоже не семи пядей во лбу. Да еще и замуж за алкоголика вышла. Но я уверена, родители переживают, ждут и верят, что я вернусь. погоди я сейчас закончу, и пойдешь собираться. А я потом приду помогу тебе, мне еще столько сделать нужно...

Кто о чем, а Малла о работе. Королева из нее получилась такая, что все придворные взвыли. Лентяев Малла не любила и не привечала. Половину двора разогнала по домам, приказав привыкать к переменам. Если кто-то и надеялся, что она будет номинальной единицей на троне Гвенара, то очень сильно просчитался.

Я вздохнула, как же я мечтала стать такой, как Малла. Легкой, веселой, улыбчивой, но при этом строгой не только к другим, но и к себе. К себе, наверное, даже больше. Да, она не смогла бы руководить страной без помощи мужа и друзей, но она смогла добиться искреннего их уважения и даже какого-то почитания. По-крайней мере, Орбрен, Брантир и Добря готовы были жизни отдать за Маллу.

И Фредол тоже... И Грайя... я снова вздохнула. Воспоминания до сих пор вызывали боль.

– Надия, – Малла протянула мне несколько конвертов, – все, готово. Ты положи сразу в сумку, чтобы не забыть. А то после сегодняшней прощальной вечер... ой! – Мала прижала ладонь к губам и покраснела, – прости, я проболталась...

– Ничего, – улыбнулась, – я давно уже знаю.

– Откуда?! – рассмеялась Малла, – мы же держали все втайне...

– Ага, – подхватила я смех, – вы так явно что-то от меня скрывали, что пришлось немножко за вами последить...

Я закончила собираться очень быстро. Сумка получилась объемная и тяжелая, Малла настояла, чтобы я забрала все, то мне подарил Фредол, хотя я хотела оставить. Мне ведь придется как-то объяснить родителям появление таких дорогих украшений.

Но Малла сказала, что говорить нужно правду. Гвенарскую. Мол, подарил мужчина, с которым я прожила этот год. А подробности и частности оставить за кадром.

Я в последний раз прошла по коридорам дворца, прогулялась по саду, зашла в библиотеку... наверное, я буду скучать по всему этому. И не по дворцу, а по людям, которых оставлю здесь. Как же так получилось, что всего за один год они стали так же близки мне, как и те, с кем я прожила предыдущие восемнадцать с хвостиком.

Брантир... раньше он казался мне немногословным, холодным и скучным. Но сейчас я знала, что на самом деле он шутник и весельчак. Особенно, если рядом Дайра. Эта женщина сделала его счастливым...

Орбрэн... до знакомства с Маллой я его не видела, хотя знала, что есть у короля беспутный младший братец. И о нем ходили по двору такие слухи, что я ожидала увидеть бестолкового, легкомысленного шалопаю, который, что называется, с жиру бесится. Но он оказался совсем не таким. Пожалуй, сейчас он был даже серьезнее, чем Барнтир.

Малла... моя самая лучшая подруга. Когда я увидела ее впервые она показалась мне немного глупой и чересчур доброй ко всем. Даже к тем, кто такой доброты совсем заслуживает... Только потом я поняла, что именно это делает Маллу Маллой... И люди рядом с ней менялись, становились совсем другими, лучшими, чем были. Вон, Добря... сколько он крови ей попил? И что? Малла его простила, и теперь они очень близкие друзья.

А какую помощь оказал Добря, когда мы занимались перепрограммированием Оракула! Это же кажется, все просто. А попробуй учти все нюансы? Слишком много было завязано на этом артефакте. Мы, когда начали разбираться, схватились за голову. И не могли найти даже откуда подступиться к решению этой проблемы.

И тогда Добря предложил выход: определить, что мы готовы взять на себя прямо сейчас, а что придется оставить Оракулу. На время или даже навсегда. И теперь артефакт следит за безопасностью границ, выполняет функции нотариуса, арбитражного судьи и еще много чего другого, заменяя собой армию чиновников. Но сейчас Оракул не является последней инстанцией, и на его решение можно подать жалобу в Совет – и это тоже была идея Добри.

А я? Я ведь тоже изменилась рядом с Маллой... я ведь помню, какой была раньше. Когда Фредол сделал меня своей королевой, я, изредка вспоминая родителей из-за влияния Оракула, думала только о том, чтобы они узнали каких высот я достигла, чтобы они сказали, мол, недооценивали мы свою дочь. Она у нас королева, а Софья всего лишь подающий надежды архитектор.

Но оказалось, титул ничего не изменил во мне самой. Я осталась точно такой же, какой и была. Ничего не знала, не умела... и не особенно хотела учиться. Я и в колледж-то пошла за парнем, в которого была в тот момент влюблена. Любовь прошла через месяц, а учиться на программиста нужно было еще целых четыре года. Специальность оказалась скучной, и я начала прогуливать уроки.

Связалась не с самой хорошей компанией, и неизвестно до чего бы дошла, если бы не школьная подруга – Катька. Мы встретились осенью, когда я, мучаясь с похмелья, споткнулась и упала прямо под колеса ее автомобиля. И она убедила меня, что я слишком красива для того, чтобы закончить жизнь продавцом в магните или помереть от передозировки. Я, глядя на нее, занялась собой. Начала бегать по утрам, записалась в спортзал, стала задумываться о здоровом питании и увлеклась сыроедением. Вернулась в колледж, устроила на работу официанткой в кафе. И я отработала уже два месяца и почти скопила денег на яблокофон, когда по дороге из Катькиной квартиры, в которой я жила больше, чем дома, на работу ко мне подошел огромный мужчина.

– Девушка, – обратился он ко мне, – вы должны стать моей королевой...

Испугалась я тогда знатно... а все потому, что накануне Катька рассказала, что у них в районе маньяк появился. Вот я и решила, что это он и есть. А кто же еще будет говорить такие

странные вещи? И изо всех сил рванула куда глаза глядят. Мы пробегали мимо какой-то женщины с пакетами, и маньяк, споткнувшись о выставленную ею ногу, упал и, падая, зацепился за мою куртку. Я потеряла сознание, успев заметить вспышку яркого зеленого света.

Когда я открыла глаза, рядом со мной сидел маньяк и рассматривал меня с мягкой полуулыбкой. Я мгновенно поняла, что он утащил меня в свое логово и попыталась сбежать. И тогда-то его величество Гвенарий 169 объяснил мне что произошло. Сначала я не верила, а потом как-то незаметно смирилась и приняла свою участь.

И больше всего на это повлияло то, что придворные буквально заглядывали мне в рот, внимая каждому моему слову и превознося мое мнение по любому поводу. И я решила, что их показное поклонение сделало меня значимым человеком.

Не сразу, но я все же поняла, что это не так. И в этом момент мне страшно захотелось домой. Потому что я так и не смогла полюбить своего мужа. Да, он мне нравился, но скорее всего тем, что так же как и все остальные преклонялся передо мной и готов был выполнять любые мои капризы.

А потом он запятнал себя предательством. И дальше начался такой экшен, что я даже не поняла, как оказалась по уши втянута в самую гущу событий. Тогда стало понятно, что я не только красива, но и способна на такие поступки, о которых раньше слышала краем уха на уроках истории.

– Готова? – Малла заглянула в мои покои во дворце, – идем. Проводим тебя так, чтобы ты на всю жизнь запомнила!

Как будто бы я когда-нибудь смогу забыть...

Возвращение в Мидгард было запланировано на полдень, когда Оракул в самой силе. Мы собрались в кабинете Маллы, отсчитывая последние дольки перед открытием портала. И появление Деона оказалось очень неожиданным.

– Ваше Величество, – ректор явно был встревожен, – портал в Мидгард открывать нельзя.

– Но почему?! – воскликнула я, – я хочу домой!

– Деон, поясни, – Брантир нахмурился, а Орбрэн приобнял Маллу, словно давая понять, что готов поддержать ее.

– Ваше величество, – Деон сокрушенно вздохнул, – открытие портала нарушает равновесие вселенной и ведет к глобальным катаклизмам в обоих мирах. Это могут быть изменения климата, ураганы, массовые землетрясения, извержения вулканов... голод, эпидемии, войны...

– Ты хочешь сказать, – тихо спросила Малла, – задержавшаяся зима – это последствия открытия портала?

– Да, ваше величество, – Деон дернул себя за бороду, он всегда так дела, когда нервничал, – я собрал статистические данные по многим явлениям за последние две тысячи лет. И вырисовывается очень интересная картина. Практически всегда динамика очень ровная, редкие всплески не особенно меняют ситуацию. Оракул все же в некоторой степени сглаживал колебания. Но вот тысячу лет назад, когда портал в Мидгард был открыт снова, графики практически всех исследуемых показателей словно сходят с ума. Среднегодовая температура выросла в два раза, количество стихийных бедствий зашкаливало все разумные пределы, рождаемость упала в четыре, а смертность увеличилась в семь раз. Экономика Гвенара в те годы рухнула так, что восстанавливать ее пришлось несколько десятилетий. Раньше считалось, что все это последствия открытых военных с Хадоа, но сейчас мне кажется, что сами военные действия – последствия открытия портала...

– Деон, – подал голос Брантир, – все это очень серьезно... Ты уверен?

– Абсолютно... меня всегда удивляла нелогичность уничтожения всех расчетов по открытию портала в Мидгард. Вы же знаете, мне пришлось начинать практически с нуля. Кроме уверенности в самом факте такого перехода, у меня не было ничего. И я всю жизнь потратил на, – он запнулся, – но в свете новых данных... логика этого поступка становится

ясной... Тем более... явления нарастают в течении нескольких лет и только потом начинают уменьшаться.

– А значит следующий году будет еще хуже, – напряженно закончила Малла, – спасибо Деон...

– И что теперь?! Я хочу домой! – я чувствовала себя на грани истерики. Оглядела всех вокруг, и спросила жалобно, – а может быть... если быстро... всего на миг, а? Я только сделаю шаг и все... вы опять все закроете? Вы же мне обещали! – не выдержала я и разрыдалась. Потому что увидела, как между мной и всеми за короткое мгновение выросла стена, разделяя меня и их, не желающих рисковать будущим Гвенара, чтобы отправить меня домой.

– Надия. – Малла попыталась обнять меня, – я тоже очень скучаю по родителям. И очень хочу их забрать сюда. Но... неизвестно, что ждет в таком случае Гвенар. Сколько людей погибнут...

– И не только Гвенар, – вмешался проклятый ректор, так не вовремя принесший эту весть, – Мидгард тоже, скорее всего, пострадал от открытия портала.

– Я уверена, – Малла побледнела, – что с Мидгардом все хорошо. Все же этот мир развит гораздо лучше Гвенара, и способен справиться со всеми проблемами.

Не знаю, для кого она это говорила. Для Деона, для меня или для себя. Мне было все равно. Я уже поняла, что домой меня никто не отправит. Как же я ненавижу Гвенар!

Глава 2

Несколько дней прошли как в тумане, слишком тяжел был удар. Все эти дни я проваливалась в постели, вспоминая родных и понимая, что скорее всего никогда их больше не увижу. И все что мне осталось – только воспоминания.

И теперь у меня есть два пути: страдать и жалеть себя всю жизнь, или встать и идти вперед. Несмотря ни на что. Но из дворца я хочу уехать. Куда угодно...

Я постучалась в кабинет королевы, чтобы сообщить о своем решении.

– Надия, – вздохнула Малла, – я, все понимаю и не буду предлагать остаться, но мне не помешала бы твоя помощь. Ты же знаешь, у меня остался без присмотра колхоз...

– Ваше величество, – начала я, но она меня перебила.

– Давай без титулов, когда все свои. Мне слишком сложно к этому привыкнуть. Мне кажется, будто бы это не я, Малла, а кто-то другой.

– Хорошо, – я улыбнулась, пожалуй, впервые за несколько дней, – Малла, я не уверена, что смогу делать что-то для тебя. Оракул перепрограммирован, он больше не мешает людям жить. А я больше ничего не умею.

– Я так не думаю, – Малла улыбнулась, – мы с тобой из одного мира, мы с тобой знаем самое главное – что можно сделать. Это я поняла, когда колхоз открывала. Мы может не умеем доить коров, но мы знаем, что из молока можно сделать сыр, сметану, йогурт... что можно консервировать овощи, делать тушенку, колбасу...

– Сгущенку и сосиски... я поняла... Но, Малла, ты думаешь, колхозники примут меня? Я же там никто...

– Как это никто?! – округлила глаза Малла, – ты мое доверенное лицо. Надия, ситуация катастрофическая. Со всей страны приходят вести, что от бескормицы гибнут животные. Зима оказалась не только слишком длинной, но и слишком холодной. И есть вероятность, что поля кашки погибнут, замерзнут. И тогда это будет полный крах. Нам нужно спасти страну от голода. Но одного колхоза слишком мало. И я не знаю, что делать. Даже если я всех обяжу сажать наши овощи, то семян просто не хватит на всех.

– Хорошо. Я попробую. Но...

– Ты всегда можешь обратиться за помощью к любому из нас, Надия. Ты ведь королева. Не забывай об этом.

– Ага, – расхохоталась я, – королева! Поеду коровам хвосты крутить!

– Мы, королевы, бабы простые, – рассмеялась Малла, – надо, поедем и хвосты крутить, и картошку сажать. Главное, чтоб стране на пользу.

Так и поехала я по королевскому поручению колхоз поднимать. Пока ехала думала, а может быть это и есть реальный шанс доказать всем, а самое главное, себе, что я чего-то стою. Все же, работая с Оракулом, я больше была просто исполнителем, воплощавшим идеи и планы старших друзей. А когда налаживала в Гвенаре производство косметики была всего лишь заказчиком. Просто велела сделать тушь, помаду и тени, предоставив образцы Деону. Во всем остальном моей заслуги просто нет. Я же королева, я должна была блистать на балах, поражая воображение подданных своей красотой и роскошными нарядами. А все остальное было недосуг. Но сейчас... если Малла права, а она почему-то всегда права, я смогу сделать что-то сама... мы, королевы, бабы простые... повторила я и рассмеялась.

В колхозе меня встретили настороженно. И я их прекрасно понимала, приперлась откуда-то молодая девица, которая сразу видно ни черта не понимает в деревенской жизни, и говорит, что она теперь тут главная.

Я поселилась в доме Маллы, и на следующий день, как раз накануне общего собрания колхозников, запланировала пройти по деревне и посмотреть что здесь есть и как оно все работает.

Утром меня разбудила Маллина сестра Салина. Ворвалась ко мне в дом на рассвете с воплями, что пора вставать. Я думала придушу ее. Нельзя меня так рано будить.

– Уйди, – зашипела я, – залезая под одеяло и накрываясь с головой. Да я уснула только недавно...

– Надия, – не унималась Салина, – пора вставать, ты же сама хотела посмотреть, что и как в колхозе работает. А у нас день рано начинается. Вставай!

И нагло стащила с меня одеяло. И это при том, что в доме со вчерашнего утра не топлено. Я вечером сама не смогла, а пойти попросить помощи у Салины не позволила гордость. Но я все равно не встала, подтянула ноги к груди закуталась в ночную рубашку и, несмотря на холод, попыталась уснуть.

– Надия, вставай! – соседка теребила меня, не давая сделать вид, что сплю... пришлось вставать.

Вполглаза оделась и потащила за Салиной, спотыкаясь об половицы. Мороз ошпарил щеки и легкие. Я даже закашлялась. А ведь в прошлом году, в это время уже было совсем тепло, мы-то с Маллой попали в Гвенар буквально на пару недель позже... скоро будет год, как я не видела родителей. Слезы закипели и мгновенно замерзли, холодя уголки глаз.

– Ужас, какой мороз сегодня, – сокрушенно вздохнула Салина, – на моей памяти впервые такая долгая зима.

Мы шли. Снег скрипел под ногами, на самом деле, как будто бы не конец марта по нашему календарю, а середина января. Я понимаю, почему Малла не захотела открывать портал в Мидгард. Умом понимаю, но сердце все равно сжимается от боли.

Салина вела меня куда-то, что-то говорила. Но я привыкла к холоду и дремала прямо на ходу.

Мы зашли в какую-то дверь, и вдруг пахнуло теплом. Влажным, молочным теплом. Как будто бы обнимаешь маленького Райки.

– Это наш телятник, – вздохнула Салина.

Я открыла глаза. На меня смотрели тощие, явно голодные телята. Один из них подошел и стал мусолить мои пальцы, посасывая, как будто бы ожидая, что я его накормлю...

– М-маленький, – прошептала я, – прости, но я не твоя мама...

А он все не унимался... остальные тоже подтянулись. И ко мне, и к Салине. Тиская подолы, рукава...

– Салина, – подняла я глаза, – а почему они так делают?

– Голодные, – пожалала плечами Салина и вздохнула, – не хватает молока... Мы уже сыроварню остановили. Половина коров, вообще, не доятся. Не знаю, начнут ли, когда пойдут корма... или уже нет. Все очень плохо, Надия. Если бы не Рыска они все сдохли бы давным давно.

У меня сердце защемило от жалости. Такие маленькие... и должны умереть только потому, что люди решали свои проблемы. Я должна что-то придумать. Сделать так, чтобы дети, пусть пока только коровьи, не голодали.

Больше я не спала. Внимательно осмотрела телятник. Коровник. Коровы тоже были худые и унылые. Они стояли, и вяло жевали скудную жвачку. А некоторые лежали прямо на голом полу. Вокруг ходила озабоченная Рыска. Вторая сестра Маллы.

– Салина, – поздоровавшись с нами, спросила она, – а сегодня сено будет? У меня уже совсем не осталось ничего. Хватит только тем, кто еще доится...

– Вряд ли, – вздохнула Салина, – я вчера весь день по Гвенару моталась. Нету ни у кого свободного сена. А у кого есть, те для своих придержали.

Рыска кивнула и промолчала. Но я не смогла.

– Но как же так! – воскликнула я, – они же голодные! Мы же должны что-то сделать!

– Например? – устало спросила Рыска...

– Ну, не знаю, – растерялась я, – может быть ветки нарезать.. они будут есть?

– Будут, – кивнула Рыска, – так и делаем. Только нельзя им досыта веток. Сдохнут.

– Я может, – вскинулась я и замерла...

Мысль металась в голове, но я никак не могла ее поймать... поймала.

– Мне нужно к Малле, – сказала я и бегом помчалась к господину Гририху. Пусть отвезет меня в город.

Пока ехала обдумывала свою идею со всех сторон. Да, это не лучший вариант. Это может быть даже худший из всех возможных, но это реальный шанс не дать животным умереть от голода. Малла умеет сворачивать пространство. И если она отведет нас к южным куполам, то мы сможем набрать там свежей травы. Там-то тепло.

Южная, тропическая часть мира практически не была заселена. Дурацкое ограничение Оракула на развитие, ограничивало распространение человечества по планете, и привело к тому, что люди проживали довольно компактно в той части земли, где был портал на Хадоа.

Если Малла и удивилась, увидев меня сразу же на следующий день, то не подала вида. Молча выслушала мой сбивчивый рассказ. И, переглянувшись с Орбреном, кивнула.

– Да, Надия, ты права. Можно попробовать.

Сначала мы вернулись на ферму за Рыской. Как удобно, когда у тебя такие таланты к перемещению. Не нужно трястись по три часа в повозках.

Когда мы втроем шагнули в тропики... О! То, как раскрылись у Рыски глаза, надо было видеть. Она металась взглядом от одного зеленого куста, к другому. А потом вдруг часто заморгала, обняла меня, и всхлипнула:

– Спасибо, Надия...

– Пожалуйста, Рыска, – прошептала я, чувствуя, что снова плачу. И что я такая рева в последнее время?

На заготовку травы мы отправились почти всем колхозом. Больше двух недель Малла переправляла нас к куполам. Утром туда, вечером обратно. Не в тропики, правда, а просто на другое полушарие и, наверное, на другой материк. Ведь пока у нас зима, там лето. И пусть оно прохладное, из-за всеобщего похолодания, но трава-то еще есть.

Мы работали как проклятые. Без перерыва и отдыха, выматываясь так, что падали в постели без сил, не раздеваясь. Даже самые ленивые колхозницы, это мне сказала Салина, не отлынивали от работы, как обычно.

Я перезнакомилась со всем колхозниками. И особенно подружилась с бабушкой Ланкой. Кто бы мог подумать, что можно вот так весело общаться с женщиной, которая раз в шесть старше тебя.

– Надия, – бабушка пыхтела с граблями рядом. День сегодня выдался тихий, светлый. Я косить не умела, а у бабушки не хватало сил, поэтому нам вручили грабли, чтобы мы ворошили сено. Пока нет дождя, его можно подсушить немного, – иногда я думаю, какого Арра, вас неугомонных в наше поселение занесло? Жили бы себе спокойно, в ус не дули... так ведь нет... убиваемся теперь на сенокосе... зимой! – бабушка подняла палец, – где это видано такое, а? Сказали бы мне несколько дней назад, что сено придется ворошить, я бы хохотала три дня над дураками.

– Но, бабушка, – возмутилась я, пыхтя от непривычной работы, – коровы же голодные. Нужно нам сено-то. Хорошо, что Малла Ведающая. А то бы все коровы передохли.

– Да что им сделалось бы, – отмахнулась бабушка Ланка, – вот мой сыночек бы помер, это да... трагедия. Сынок – это бычок мой. Я его на помойке подобрала в Варде. Думали сдох уже... выбросили. А я иду, значица, слышу кто-то в помойке возиться. Дай, думаю, гляну чего там

ворочается, – рассказывая и работая одновременно, она запыхалась и замерла, оперевшись на грабли, – смотрю а там бычок валяется. Маленький совсем, крошечный. И красивый такой... еле выволокла я его из кучи-то. Помочь-то мне не хотел никто. Я во вдовьем платье тогда была. Шарахались от нас люди-то...

– Да, – кивнула я, – мне рассказывали...

– Ох, деточка, – невесело рассмеялась бабка Ланка, – рассказывать это одно. А вот самой так всю жизнь прожить – другое... жаль только, что помирать мне уже пора, – она стерла слезинку, – такая жизнь настала... интересная! Дак, о чем я? Забрала я сынка из помойки-то. Притащила к бабам, а они орут, мол, выброси, не хватало еще падаль с собой таскать. Да разве ж я так могу? Вот и притащила с собой. Мы с Рыской молоком да травками его целый месяц отпаивали. А он так привык, что как хвостик за мной ходил везде. Я в огород, бычок со мной. Я в поле – он следом. Вот бабы и прозвали его сынком маменькиным. А он как вымахал... еще года нет ему, а бугай вырос, в полтора раза больше остальных быков Рыскиных. Рыска и говорит, что на развод оставит... чтобы, как это, породу улучшать. Вот!

Неугомонная бабка Ланка болтала беспрестанно. Она делилась со мной местными сплетнями, учила уму-разуму, раздавая советы по поводу и без, рассказывала неприличные сказки, от которых все вокруг краснели и хихикали, делая вид, что не слушают.

За эти дни мы заготовили горы травы. Да, это сено было плохо просушено из-за постоянных дождей. И мы досушивали его уже у себя в колхозе: в домах, в мастерских, в самом коровнике. Да, это сено было не самого лучшего качества, ведь там уже настала осень. Все это так, но зато оно было.

К нам стали приезжать скотоводы со всего Гвенара. И большая часть присоединялась в заготовках к колхозникам. Нас стало так много, что пришлось поделить народ на две части, каждая из которых работала самостоятельно.

А через две недели внезапно, но очень заметно опали сугробы. В Гвенаре, наконец-то, началась весна. И впервые за долгое время в колхозе люди пришли на собрание. И тогда, глядя на тех, с кем все это время делила труды и заботы, я поняла, что не буду чувствовать себя наглой выскочкой, которая приперлась неизвестно откуда и теперь желает стать начальником. Я со спокойной душой передала господину Гририху, чтобы он зачитал всем колхозникам, документы, в которых говорилось, что я, Надия вдовствующая королева Гвенара, являюсь доверенным лицом Маллы, королевы Гвенара, герцогини Эллдорской, и направлена ею для управления колхозом «Светлый Путь».

И оказалась права. Люди приняли меня.

Глава 3

Вот так я и начала работать председателем. Когда все с собрания разошлись, решила и я по колхозу прогуляться. Посмотреть что тут еще есть. Я же нигде, кроме коровника и не была больше. А здесь еще есть птичник с инкубатором, сыроварня, овощехранилище, швейная мастерская, ткацкая и стекольная.

Но сначала я пошла к телятам. Душа у меня болела за малышей. Как они там? За эти дни они же должны были оправиться от голода? Я ведь слышала, Рыска говорила, что коровы больше не голодают, значит молока должно быть больше.

Пока доползла до коровника запыхалась. А все потому, что вместе со снегом в деревне растаяли и дороги. Я проваливалась по колено в рыхлый растаявший снег. Мгновенно промочив ноги до колен. И по следам было видно, что другие тоже проваливались так же, но упорно шли... И почему здесь нет нормальных дорог?

У коровника, вообще, оказались непролазные топи. А ведь здесь даже резиновых сапог не было! И все ходили в кожаной обуви. Значит не только у меня отсырели и замерзли ноги. Почему колхозники ничего не сделают, чтобы им самим же было удобно? И, вообще... почему, когда строили коровник, сразу не построили к нему дорогу и не сделали нормальный двор? У нас вон дом не принимают, пока во дворе дорожки не будут заасфальтированы, карусели на детской площадке не поставлены, и даже земля на клумбы не завезена. А тут что? Построили коровник и все? А инфраструктура?

Вопросов было так много, что решила в следующий раз взять с собой лист бумаги и карандаш, чтобы записывать, а то пока болтаюсь туда-сюда, забуду все.

В телятнике все так же пахло теплым молоком, но обстановка разительно изменилась. Коровьи дети больше не умирали с голода, нет, телята выглядели гораздо лучше. Они снова окружили меня, толкались теплыми влажными носами в ладони и забавно мычали, взмахивая огромными ресницами и глядя на меня такими глазами, что хотелось каждого обнять и пожалеть. И я не устояла... принялась гладить и чесать всех, кто попадется под руку.

– Нравятся? – меня увидела Рыска.

– Да, – засмеялась я, – они такие смешные и щекотные. И теперь они не пытаются сосать мои пальцы...

– Мы их только что покормили, он сытые. А вот если придешь утром пораньше, то обмуслякают так же, – слегка улыбнулась Рыска. Малла говорила, что эта ее сестра скупа на слова и эмоции.

– Рыска, скажи, а почему к коровнику нет дороги?

– Почему нет? – удивилась она, – есть... ты же по ней пришла.

– Это не дорога, – не согласилась я, поглаживая красивого темно-красного теленка по лобастой голове с белой звездочкой, – это какие-то непроходимые снежно-грязевые топи. А двор, вообще, ужас. Спорим, у тебя сейчас ноги мокрые?

– Мокрые, – улыбнулась Рыска, – весна же... весной всегда сыро. Но еще чуть потеплеет, снег быстро растает, все высохнет.

Я кивнула. Да, дороги надо строить летом, когда сухо. Так что я вернусь к этому вопросу позже.

Мы еще немного поболтали. Рыска сказала, что телята теперь в порядке. Коровы тоже потихоньку оправляются от голода. Их раздаивают, но пока неясно, вернутся ли надои к прежним показателям.

– Надо ждать траву, – вздохнула Рыска, – на сене много молока не будет...

– Почему? – мне стало любопытно, – ты говорила, что оно плохое, поэтому?

– Нет. Даже на самом хорошем сене надои меньше, чем на свежей траве. Она же сочная, и съест ее корова может гораздо больше, чем сена.

– Но почему? – удивилась я.

– Трава вкуснее, – весело рассмеялась Рыска, – для коровы.

После коровника я отправилась в сыроварню. Хорошо, что сыроварня стояла совсем рядом, и не пришлось слишком долго ковылять по снежно-грязевой каше. Я толкнула дверь в сыроварню и шагнула в темное, после солнечного света на улице помещение.

– Куда?! Стой! – Остановил меня окрик. Я замерла, часто моргая глазами, чтобы они быстрее привыкли к темноте. Сайка уже летела ко мне с халатом и тапочками. – Держи. Нам здесь лишние бак-терии и мик-робы не нужны.

– Что? – не поняла я, но спорить не стала. Это Сайкина вотчина. И меня еще Малла предупреждала, что с ней лучше не спорить. Тем более, права Сайка. После такой грязи не только в сыроварню, даже в коровник лучше входить в тапочках.

– Бак-терии и мик-робы, – повторила Сайка, – если в молоко попадут не те, которые нужны, то молоко просто скиснет, и сыр не получится. А у нас и так молока мало. Целый месяц, почитай, стояли без работы. Хочешь покажу, как у нас здесь все устроено? – улыбнулась она, когда я переоделась.

Конечно же я хотела. И Сайка провела меня по цехам. Да, чистота везде была просто идеальная. Мне кажется, пыль просто боялась залетать в сыроварню, потому что здесь ее тут же выпроводили бы восвояси. Колхозницы молча работали, и тишину нарушали только бряканье половников об чаши с молоком.

– Здесь мы делаем Яблочный сыр, там Твердый, – Сайка подвела меня к столам, за которыми прыскали еле сдерживаемым смехом молодые и не очень женщины, – у нас тут по-простому. Что замолчали-то? Это же Надия, она вместе с вами две семидневки на сенокосе хлеб-соль делила. Мы и поработать и повеселиться не прочь, да, бабоньки?!

– Да, – на разные голоса поддержали свою начальницу девочки-сыроварки, и тут же привычно зашебетали, между делом обсуждая последние деревенские новости.

Мы обошли все цеха – комнаты. Везде было одно и то же: идеальная чистота и смешливые, веселые сыроварки. Хорошо здесь у Сайки. Мне очень нравится. Я бы и сама не прочь поработать в таком месте.

– Пойдем я тебе лабор-раторию свою покажу, – потащила она меня, указывая на единственную комнату с закрытой дверью, – и кабинет у меня там. Поговорим о том, о сем... есть у меня вопросы, с которыми в правление идти не хочу.

Я на Земле никогда не была в настоящей лаборатории. Но у Сайки мне понравилось, все у нее стояло на своих местах, аккуратно, чистенько, красиво.

– Я здесь пытаюсь получить из молока что-нибудь новенькое, – она кивнула на множество небольших горшочков с молоком и пустых, стоящих вдоль стола, – Малла сказала, что для каждого вида продукции нужны свои бак-терии. Вот я и пытаюсь их вывести. Но пока мало что получается, – Сайка вздохнула.

– Тебе нужны лактобактерии и пробиотики, – я хихикнула, – и я знаю, где они есть.

Катька, моя подруга, которая в свое время подсадила меня на сыроедение, много рассказывала о том, из чего на самом деле делаются те или иные продукты. Про молочно-кислые бактерии и пробиотики, которые есть в йогурте, я очень хорошо запомнила. И не ела их потом именно из-за этих знаний. Противно было.

– Где? – вскинулась Сайка и посмотрел на меня с такой надеждой, – Надия, скажи, где?

Ну, я и ответила, где у каждой женщины есть очень много полезных молочнокислых бактерий.

– Врешь?! – не поверила главная сыроварка.

– Нет, – мотнула я головой, – не вру. Правда. Я потом их есть не могла. Ты только, когда пробовать будешь, возьми бактерии у молодой и абсолютно здоровой девушки. И лучше если она с мужчиной давно не была.

– Надя, – рассмеялась Сайка, – такого добра у нас во вдовьем поселении полным полно. А что ты еще знаешь интересного про бак-терии?

Проболтали мы с Сайкой до вечера. Оказывается, я очень много знаю всего. Нужного...

Утром я проснулась ни свет ни заря. Так мне не терпелось узнать, что же у нас с Сайкой получилось. Она вчера уговорила меня быть донором бактерий для йогурта. И сегодня всю ночь молоко с бактериями стояло в тепле... интересно, что получилось?

С утра слегка подморозила и до сыроварни я добежала почти не промокнув и не испачкавшись. Сайка уже была там. Мы, затаив дыхание, развернули войлочное одеяло, которым укрывали наш горшочек. Молоко внутри явно загустело, но осталось гладким и ровным...

– Кажется получилось, – прошептала я...

– Пробуй, – Сайка не церемонясь сунула ложку, зачерпнув йогуртообразную массу...

– Нет, – замотала я головой, – не буду... фу... противно...

– Чего противно-то? Это же твои бактерии... тебе и пробовать. Тем более, кроме тебя никто и не знает, каким должен быть вкус этого ёгурта...

Я взяла ложку... ну, правда, мое же... вздохнула...

– Йогурт! Сайка, это самый настоящий йогурт, – завопила я, размахивая ложкой от избытка эмоций.

Весь первый горшочек йогурта мы пустили на закваску, поставив готовиться еще десяток таких же небольших, чуть больше стакана, горшочков. Пусть все попробуют. Если йогурт понравится колхозникам, значит будет у нас еще один молочный продукт.

А еще я вспомнила, как Катька рассказывала мне про кефирный грибок... про то, что это комки белой слизи, которые плавают на поверхности молока... из ее уст это почему-то звучало очень противно, навсегда отвадив меня от молочной продукции. Мы с Сайкой решили попробовать вывести этот грибок, поместив закваску из простокваши в свежее молоко... вдруг получится?

После обеда я решила наведаться в птичник. А то за полтора дня только и успела посмотреть коровник и сыроварню. Мне так недели не хватит, чтобы со всем колхозом ознакомиться...

В птичнике работала другая подружка Маллы – Глайя. Она, как говорила Малла, повернута на своих птичках и может говорить только про инкубатор и цыплят. И я настраивалась на нудную и скучную проповедь...

Но в инкубаторе, или избушке на курьих ножках, как называли его здесь, оказалось интересно. В центре комнаты стояла большая печь, которую топили постоянно и по чуть-чуть, чтобы выдержать температуру, которая наиболее благоприятна для вывода цыплят. А вокруг друг на друге стояли ящики с яйцами... И их надо было переворачивать несколько раз в день и переносить из угла в угол в зависимости от срока инкубации. Именно эта работа занимала у девочек львиную долю времени. Попробуй-ка покрути несколько сотен яиц вручную! Да еще и аккуратно, чтобы ничего не повредить...

– Глайя, – я смотрела, как птичницы медленно и осторожно снимают ящики друг с друга, чтобы перевернуть яйца или перенести ящики с места на место, – а почему бы не сделать ящики на колесиках? И потом переносить не ящики с яйцами, а перекачивать все одновременно? Или хотя бы сделать стеллажи...

– Стел-лажи? Я не знаю, что это такое, – Глайя внимательно следила за девочками, – а ящики на колесах будут скатываться и стучаться друг об друга...

Но я решила попробовать дома нарисовать стеллаж для инкубатора... мне кажется, так будет гораздо удобнее.

А еще мне очень понравились цыплята. Маленькие, желтенькие, пищащие, бесконечно умильные комочки, вызывающие улыбку. Их так хотелось взять в руки и погладить... и так интересно было смотреть, как они деловито копошатся в сенной трухе и что-то так еще клюют. Маленькие, а уже как настоящие куры.

В цыплятнике я провела весь остаток дня... Вволю наигралась цыплятами, и рассказала Глайе про устройство автоматической поилки. У нас дома был волнистый попугайчик, папин любимец, и у него в клетке висела такая поилка. Ведь, если она подходит для попугайчика, то подойдет и для цыплят и кур тоже.

Сейчас им просто наливали воду в черепок, и они ходили по воде ногами, гадили прямо туда, а потом пили. А это как-то противно совсем... и явно вредно, хотя Глайя и говорила, что грязная вода не такое зло, как мокрые ноги.

Глава 4

Заботы незаметно прибывали. Утром я снова сбегала к Сайке на сыроварню, узнать как там дела с йогуртом. Новый продукт всем понравился, и мы решили, что нужно запускать его в производство. Но для этого нужны были маленькие горшочки, такие, как у Сайки в лаборатории, потому что йогурт лучше сразу готовить фасованным. Это и удобнее: разлил молоко, положил по ложке закваски, поставил на ночь в тепло, а утром накрыл чистой тканью, перевязал и в неси в лавку к Салине. А тару можно сделать из стекла, ведь стекольная мастерская у нас своя, и возвратной.

Вчера мы с Глайей запланировали сходить к Зарне, посоветоваться по поводу автоматической поилки. Она у нас в колхозе единственный ремесленник, пусть скажет возможно сделать такую в Гвенаре или нет. Так что теперь в мастерскую к Зарне мы отправились втроем: я, Глайя и Сайка.

А еще я хотела попробовать сделать стеллажи. Я вчера весь вечер рисовала их, перевела кучу бумаги, но зато получилось здорово. Колесики я решила сделать мебельные, они крутятся во все стороны и перевозить стеллажи будет гораздо удобнее. А еще я придумала, как сделать наклонные полки, чтобы не переворачивать каждое яйцо вручную. Нажал рычажок, полка наклонилась, и яйца греются с другой стороны. Теперь нужно было найти мастера, который бы смог по невнятным чертежам воплотить мои идеи. И я надеялась, что Зарна подскажет мне такого человека.

Стекольная мастерская оказалась совсем крошечной, по сравнению с птичником, коровником и сыроварней. Но и работала тут только одна Зарна, без помощников.

Она, почти такая же немногословная, как Рыска, терпеливо выслушала нас, все поняла, хотя мы говорили наперебой, иногда перебивали и четко разложив все по полочкам ответила, что баночки для йогурта она принесет сегодня вечером, потому что уже пробовала отливать такую форму по рисункам Маллы. Поилку сделать можно, и она сможет отлить нужную колбу, а вот все остальное может сделать ее знакомый кузнец в Варне... он же вполне может разобраться и с моими стеллажами...

– Зарна, – Сайка хитро прищурилась, – а уж не того ли вдовца-кузнеца ты нам сватаешь, к которому каждую семидневку на ярмарку ездешь? Вроде как за инструментами...

– Я за инструментами и езжу, – чересчур резко ответила Зарна и покраснела, как будто бы ее обнаженные фотки в интернет выложили...

– А вот и зря, – не унималась Сайка, – я слышала, как он про тебя у наших вдовушек расспрашивал... Уж не знаю, что ему Рилка наговорила, но я бы не надеялась, что что-то хорошее...

– Рилка? – так же резко побледнела Зарна, – ты уверена?

– Уверена, – кивнула Сайка, – сама лично видела, как они беседовали. Рилка-то вся из кожи вон лезла, чтобы кузнецу понравится. Да только не вышло у нее ничего, ушла не солоно хлебавши.

– Надя, – Зарна выхватила у меня из рук рисунки со стеллажом, – давай свои наброски, отвезу завтра в Варн... и по поводу твоей поилки спрошу. А я-то думала, что обидела его чем-то... очень уж изменилось все вдруг. А это, выходит, Рилка постаралась?

– Рилка... вот ведь не живется бабе спокойно, все норовит гадость людям сделать...

– Рилка? – повторила я, – я такую не знаю...

– Конечно, не знаешь, – улыбнулась Глайя, – она же не колхозница. Продала она свою долю Малле за корову да пятнадцать грот. Еще по зиме. Корова-то у нее без ухода едва не померла. Рыска ее потом полудохлую за десять грот выкупила, пожалела. А гроты Рилка за семидневку растренькала, бус, говорят, целое ведро накупила. Говорила, что мужика себе

отхватит самого лучшего и будет жить припеваючи... да, мужик-то не дурак... он не на бусы смотрит, когда жену выбирает.

– Ну-у, – протянула я, – всяко бывает... кого-то и красотой можно взять. Не всем же хозяйки хорошие нужны...

– Можно, – рассмеялась Сайка, – да только у Рилки и красоты нет... один склочный характер только...

Остальные подхватили смех, и даже я улыбнулась. Хотя не со всем была согласна. Я сама-то тоже делала ставку на красоту.

После стекольной я навестила ткацкую мастерскую. Сегодня там полным ходом шла работа – овец стригли. Снег еще не весь растаял, и мне казалось, им будет холодно, но, наверное, люди знали, что делали... так что я не лезла. Только смотрела.

Я думала овцы должны брыкаться и орать, но нет, они смиренно лежали и терпеливо ждали, когда их постригут. Как девушки в парикмахерской. Шерсть с них состригалась одним полотном, которое называлось руно. Руно девочки ткачи сортировали прямо на улице, а потом сворачивали тугими валиками и уносили в мастерскую. Нана сказала, что пока мыть шерсть слишком холодно, и они займутся ею летом. Тем более в прошлом году, по осени, они наготовили столько шерсти, что им теперь еще до следующей осени работы хватит. Если бы не переносить мастерские в город, так, вообще, бы беспокоиться не нужно было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.